

В.В. Козлов, В.А. Майков.

Вопрос о кризисе гуманитарных наук, об их неспособности корректно описывать феномены религии, культуры, психики, сознания обсуждался в XX веке неоднократно. Всякий раз этот кризис был связан с тем, что классический научный подход "срезал" специфику гумани-тарных явлений, уподобляя их явлением природы, а предполагаемые новые подходы, стремящиеся сохранить эту специфику, оказывались недостаточно научными, в смысле их соответствия критериям классической науки - объективности, рациональности, повторяемости, предсказуемости и т.д.

Многочисленность проектов новых гуманитарных подходов, а также "новой науки", способной адекватно познавать и природу, и человека, завидное постоянство поисков в этом направлении и отсутствие решающей новой научной парадигмы - все это в совокупности наводит на мысль, что ситуация кризиса связана с наиболее фундаментальными предпосылками и ограничениями классического научного познания мира.

Занимаясь изучением традиционных психотехнических культур, мы также сталкиваемся с трудностью их научного описания на языке психологии, лишь иногда усматривая в отдельных аспектах какое-то подобие структуры. Мир психотехники - это мир практического пси-хологического знания, искусства, мастерства, это традиционные методы саморегуляции, управления психическими и психосоматическими процессами и состояниями сознания. Традиционные - значит существующие в контексте практической, духовной или религиозно-фи-лософской традиции. В более широком смысле психотехника может рассматриваться как основа любого психического процесса, поскольку невозможна даже произнести осмысленное предложение без наличия техники порождения речи или совершить моторное действие без сформированных функций управления движениями.

Таким образом можно зафиксировать три основных взгляда на психотехнику:

как на фундамент любого человеческого опыта;

как на традиционную психокультуру вообще;

как на традиционную психокультуру саморегуляции и самосовершенствования. Следует также различать психотехнику и психотехнологию. Психотехника в большей степени является искусством, мастерством. Психотехнология же является конкретным методом для конкретной ситуации.

В процессе изучения психотехнических культур мы постоянно натываемся на границы собственных возможностей выражения, осмысления, понимания. Дальнейшее размышление показывает нам, что эти границы не связаны, по-видимому, лишь со способностями отдельного человека, но более фундаментальны. Они укоренены в

общечеловеческих, более того, в онтологических характеристиках сознания и возможностях его описания в существующем научном языке.

Ситуацию, наглядно демонстрирующую это, можно назвать ситуацией зазора между двумя мирами: миром научной психологии и миром психотехники. Известно, как мало психология может помочь в ряде наисущественнейших областей человеческой жизни, сколь велика нужда в элементарной психологической помощи, консультации, психологической культуре отношений. А эта культура закладывается с раннего детства и развивается таинственными путями, которые очень сложно воспроизвести намеренно, и очень трудно получить знание об этих путях, на основе которого можно было бы излечить болезни человеческих отношений, восполнить, скажем, отсутствие любви. Мы также знаем, что многие вещи в человеческом мире не возникают от желания этих вещей: требуются какие-то другие фундаментальные условия для их осуществления.

Вспомним ситуацию, которая уже много столетий очерчивает проблему взаимосвязи научной психологии и практических психологических знаний в европейской культуре. Известно, что Декарт - великий философ и один из основателей европейской науки, европейского рационализма - считал, что такой науки как психология нет и быть не может. Наше знание о душе имеет принципиально вненаучную природу и не может стать предметом теоретического научного мышления. Источником этого знания, по Декарту, является практический опыт, мы набираем его, "вращаясь" в свете, путешествуя и т.д. Другой великий мыслитель - Кант, считал, что научная психология либо невозможна, либо неинтересна, бессодержательна. Такая психология способна выражать столь ничтожную часть человеческого опыта, что не имеет никакой практической пользы. Опуская множество менее известных имен, напомним позицию Фрейда, который утверждал, что психоанализу невозможно научиться: настоящий психоаналитик столь же редок, как настоящий художник, ученый, и т.д. И наконец, приведем свидетельство Э. Берна, известного современного психолога, основателя транзакционного анализа. Он писал, что практические психологические знания пятилетнего ребенка превосходят теоретические познания профессора психологии.

Итак, - ничтожество наших научных психологических знаний, с одной стороны, и безбрежная область практической психологии, с другой. Чтобы конкретизировать эту ситуацию на современном материале, напомним несколько тем, которыми занимается современная психология и которые она не в состоянии объяснить. Это, например, получивший большую известность так называемый "релаксационный отклик" - явление, изученное американским психофизиологом Х.Бенсоном. Бенсон разработал очень простой метод введения клиента в особое состояние сознания через замедление дыхания, расслабление и самовнушение. С помощью этой техники достигаются поразительные результаты в саморегуляции, обучении иностранным языкам, лечении стрессов, спорте и т.д., но его исчерпывающего научного объяснения пока не существует.

Широко известен пример эффекта плацебо, когда пациент получает вместо лекарства сахарную пилюлю и выздоравливает только силой веры в новый чудодейственный препарат. Эффект известен давно, но его психологические и нейропсихологические

механизмы не ясны. В Стенфордском университете изучается феномен ясных сновидений, когда спящий знает, что он видит сон. Овладение таким знанием связывают даже с возможностью нового эволюционного скачка в развитии человека. Разработаны эффективные методы обучения ясным сновидениям, которые используются для решения психологических проблем и творческих задач. Техника известна, феномен можно повторять, однако объяснения не существуют.

Еще более загадочнее феномен множественности личностей в одном теле, интенсивно изучаемый с середины 70-х годов, когда у человека четко фиксируются различные субличности. Среднестатистическое число субличностей - 7, максимально зафиксированное - 18. Известно, что эти субличности имеют не только разный характер, лингвистические способности, но и разный психологический пол, психофизиологические параметры, функциональные асимметрии, скажем, леворукость или праворукость. Этот поразительный факт совершенно необъясним в настоящее время. Широко известны и * другие, еще более экзотические феномены, связанные с экстрасенсорным восприятием. Сегодня мало кого можно удивить телекинезом, диагностикой на расстоянии, предвидением будущего или неопознанными летающими объектами. Имеются сообщения и о вещах совсем уж фантастических. Так, американский профессор психиатрии С. Сендвайс пишет о способности современного индийского святого Саи-баба материализовать из ничего предметы.

Таким образом, ситуация зазора между двумя мирами - научной психологии и психотехники - очерчивает необъятную область практических умений, которые наука неспособна адекватно описать в своем понятийном аппарате. Научная психология мало что может дать для понимания ряда ключевых практических задач, стоящих перед человеком: самосовершенствования, самоизменения, осмысления мира и своего места в нем. Эта диспропорция принципиальна и связана с основополагающими установлениями классической науки, в том виде как мы ее понимаем сегодня. Дело в том, что эти установления были проведены так, что все наши знания о природе с этих пор имеют цену: незнание о мире души, сознания. _ . Ситуация радикального зазора между двумя мирами создана тем, что можно назвать картезианским бумерангом (от латинизированного имени Декарта - Cartesius). Она прослеживается с XVII века, когда Декарт узаконил разрыв между "вещью протяженной" (миром природы) и "вещью мыслящей" (миром разума) и установил, что языки описания этих вещей, или субстанции, не пересекаются. Именно Декарт сконструировал классические понятия субъекта и метода научного познания и наложил запрет на все естественные связи между субъектом и объектом и языками их описания. По Декарту эти языки принципиально взаимонепереводимы и не допускают взаимодозначного соответствия. Как следствие, в рамках классической науки научные знания о мире природы возможны ценой научного незнания о мире психической жизни. Разделение "протяженного" и "мыслящего" приводит к тому, что целостные феномены человеческой жизни теперь описываются как два ряда параллельных явлений без возможности и формального права говорить об их связи: с одной стороны, физико-химические процессы на языке классической науки, с другой - процессы внутренних переживаний на языке символов и метафор. Разумеется, глубинной основой этой ситуации является более давний, идущий от христианства дуализм тела (плоти) и сознания (духа), который, в свою очередь, имеет еще более

глубокие корни. Однако особый, принципиально вненаучный статус психотехника, как практическое знание, получает начиная с Декарта. Классический рационализм отсекает то, чем мы можем владеть практически, оттого, что мы можем знать научно. Это и есть возвратившийся удар картезианского бумеранга, или плата за научное знание мира природы.

Каким же образом сознание вносится в основание классической науки, которая, как задумывалось, даст объективную картину мира независимо от индивидуального сознания и присущих каждому человеку установок, ценностей, иллюзий, ограничений? Как уже отмечалось, первый необходимый шаг на этом пути - узаконивание разрыва между субъектом и объектом, дуализмом материи и сознания. При таком подходе каждая субстанция не содержит ничего от другой и никак не связана с ней. Важнейшее следствие из этого - возможность уподобления всего мира гигантскому неодушевленному механизму, совершающему повторяющиеся движения при равных начальных условиях. Все законы этого механизма известны лишь "небесному геометру" - Богу, который зрит их непосредственно. Но и человеку даны проблески божественного усмотрения, когда он, руководствуясь правильным методом, уподобляет свой интеллект божественному. Таким образом, второй необходимый шаг - постулат абсолютной истины, созерцаемой всеведающим, всеприсутствующим существом. На третьем шаге качество всеприсутствия, всеведения, всемогущества божественного интеллекта проецируются в объективный внешний мир как абсолютность, однородность и непрерывность пространства и времени. Этот перенос, наряду с постулатом о механистичности мира, позволяет совершить следующий шаг - математизацию естествознания и ввести понятия геометрического пространства и линейного времени, исчисляемых количественно в системе трех взаимоортогональных направлений декартовых координат и оси времени. Таким образом, атрибуты абсолютного субъекта постепенно и незаметно становятся свойствами внешнего мира и необходимыми предпосылками его познания. "Абсолютное время", "абсолютное пространство", "абсолютная истина", "непрерывность", "однородность", "геометрическое пространство", "линейное время", "количество", "мир как механизм" - уберите эти постулаты, и классическая наука распадается одномоментно.

Вся совокупность этих постулатов удерживается вместе в методе научного познания. Следовать такому методу, начиная с Декартовых "Правил для руководства ума" и "Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках", означало осво-бодиться от ошибок, заслоняющих "естественный свет" божественного интеллекта. Научение методу неотделимо от практического освоения всех предпосылок и идеализации познания, вхождения в действующую научную парадигму. Метод дает человеку органы познания, не данные ему от природы, и - как это ярко выразил М.К. Мамардашвили - переводящие его в космическое, божественное измерение. Но этим методом уже невозможно познавать жизнь и сознание, не уподобив их прежде механическому объекту перед взглядом божественного ока. В этом смысле классическая наука способна познавать только мертвое, и научная картезианская психология по необходимости имеет дело лишь с тенью человека, пытаясь разгадать жизнь души по механическому подергиванию гальванизируемого трупа. Здесь коренится тот грандиозный искус иллюзорного знания, которому подвергалась и

подвергается бихевиористская, когнитивная и прочие позитивистские психологии, когда знания о тени переносятся на живого человека. Так возникают мифы: человек - это машина, это - социальное животное, это - компьютер, это — социобиосущество и т.д.

Однако вновь и вновь гуманистическая, экзистенциально-феноменологическая и трансперсональная психология, наряду с другими гуманитарными науками, ищет неклассические пути познания человека, способы постижения живого и сознательного, несводящие их к механическому. Для того чтобы лучше представить перспективы и суть этих поисков рассмотрим несколько модернизированную типологию знания, первоначально предложенную А.И. Неклесса. Руководствуясь формальными критериями, мы можем различать знание по способу представления как рациональное и иррациональное, по степени отчетливости как явное и неявное, по характеру функционирования как отчуждаемое и неотчуждаемое. Таким образом, согласно этой типологии возможно восемь базисных типов знания. Например, классическая наука является рациональным, явным и отчуждаемым знанием и процедуры ее первоустановления создают субъект, объект и метод получения именно такого знания. Остальные семь типов знания классической наукой не конструируются, не охватываются и отвергаются как ненаучные. Однако они - тоже знания! Скажем, любой человек является носителем знания, которое принципиально неотделимо, неотчуждаемо от его деятельности. Ни он сам, ни кто-либо другой не в состоянии полностью объективировать, отделить и прояснить, например, его актерское мастерство или педагогический талант. Человек может и не знать, что он знает нечто, пока это знание не актуализируется в какой-либо ситуации, допустим, в результате вопроса. То есть человек знает нечто, но неявно. Это характерный парадокс дуалистически организованного знания: мы познаем то, что уже каким-то образом знаем, как в случае припоминания неземного опыта у Платона или механизма психологической защиты в психоанализе, где для невоспринимания травмирующих переживаний необходимо уже как-то опознавать их как таковые, воспринимать до восприятия.

Удобно изобразить данную типологию графически как восьмимерное "пространство знания". В этом пространстве мы можем наглядно изобразить ее не как формально-логическую оппозицию, а в виде непрерывного спектра. Так, можно рассматривать различные типы, виды и степени рациональности (иррациональности) или явности (неявности) знания. Одни точки этого пространства легко интерпретируются, и им можно найти соответствующие субъект, объект и метод познания, скажем, уже упоминавшийся классический. Другие - вполне представимы. Например, можно определить сюрреалистическую живопись как иррациональное, отчуждаемое, явное знание, или музыкальную импровизацию в момент ее рождения как иррациональное, отчуждаемое, неявное знание, шаманское искусство вхождения в транс как рационально-иррациональное, явно-неявное, неотчуждаемое знание. Некоторые же типы знания выглядят в этом пространстве весьма загадочно. Чему, спросим, соответствует нулевая точка этого пространства, где знание не является ни рациональным, ни иррациональным, ни явным, ни неявным, ни отчуждаемым, ни неотчуждаемым, и в то же время обладает всеми характеристиками одновременно? Может это прообраз какой-то будущей парадигмы целостного знания, а возможно - лишь бесплодная игра ума?

Можно расширять данную типологию, вводя новые различия. Так, по уровню описания, степени обобщения знание различается на теоретическое и эмпирическое (практическое), по своему предмету (объекту) - на объективное (внешнее) и субъективное (внутреннее), - ведь не следует наперед исключать принципиальную возможность прямого необъективируемого научного знания внутреннего мира. По характеру воспроизводимости знание может быть повторяемым и неповторяемым (уникальным), причем неповторяемость может быть связана с характеристиками ситуации, в которой сошлись вместе невоспроизводимые намеренно или маловероятные природно условия, как в случае происхождения жизни, прозрения Будды или знания Страшного суда. Знание может различаться по организации на иерархическое (принцип Мирового Древа) и номадическое (принцип ризомы, корневища - как того требует французский философ Ж. Делез). Только с учетом этих предложений получается 128 типов знания и лишь одно из них соответствует классическому образу.

Введенная перспектива вовсе не преследует цели дать исчерпывающую классификацию знания, да и используемые для нее понятия пересекаются друг с другом и не вполне прояснены для требуемой терминологической четкости. Ее цель - проиллюстрировать возможность иных миров знания, со своими особыми предметами, субъектами, методами, обосновывающими процедурами, критериями научности, типами рациональности, рефлексии и способами получения исходных идеализации. Эта перспектива дается исходя из элементарного жизненного опыта, присущего любому человеку, что, в свою очередь, говорит о том, насколько такой опыт шире мира классической науки, сколь неправомерно игнорировать и принижать его, следуя идеологическим претензиям этой науки на всеохватность и исключительную достоверность. Воистину, есть многое в мире, что и не снилось ортодоксальным ученым, и психотехникам, выскочив, подобно черту из табакерки, поставила психологию в весьма конфузное положение перед нищетой ее достижений и спесивостью претензий.

Хотя научного понимания психотехники не существует, традиционные психотехнические культуры насчитывают не одну тысячу лет, а значит, имеются эффективные методы их передачи, использующие какой-то специфически психотехнический язык. Что это за язык, каковы его законы и особенности? Для поиска ответа на этот вопрос следует посмотреть психотехнику в модальности ее существования: почему она есть и как она возможна?

Первый ответ состоит в том, что человек - существо конечное и воплощенное. Сознанию, не ограниченному телом, не было нужды ни в какой психотехнике, оно могло бы реализовывать свои намерения непосредственно. Наш же человеческий опыт телесноцентрирован и телесноопосредован. Любая психотехника самосовершенствования направлена на преодоление инертности плоти, подверженной механическим законам, старению и распаду. Значит, язык психотехники должен как-то впитывать ряды телесно-материальных и духовных терминов, являясь, с точки зрения классической науки, странным кентавроподобным существом, бесконечно далеким от строгости языка науки.

Второй ответ состоит в том, что в нашей жизни имеются интегральные неаналитические

целостности, которые хорошо были известны и Декарту, и Марксу, и многим другим. Маркс называл их превращенной формой. Ориентируясь по этим целостностям, скажем по цене товара, мы можем судить о всей ситуации и эффективно действовать в ней. Феномен морали также относится к такой группе явлений, и моральные нормы есть своеобразная "свертка" гигантского духовного и исторического опыта человечества. Одна такая целостность - антропный принцип - широко обсуждается в современной науке. Этот принцип, по существу, утверждает наличие фундаментальной неаналитической соразмерности мира и человека.

Третий ответ приходит из современной психологии развития: мы владеем лишь тем, что создали сами (в том числе и в себе). Способности и органы владения создаются в этом же процессе. И наоборот, все несозданное (неосознанное) владеет нами.

И наконец, четвертый ответ, который является иным выражением третьего, гласит, что человек способен к так называемому "второму рождению", хорошо известному во всех духовных традициях. Посвящения, ритуалы перехода, вступление на духовный путь означали отказ от прежнего Я, зачатие, вынашивание и новое рождение в лоне учения (учителя). Именно поэтому язык традиционных психотехнических культур наполнен терминами, относящимися к зачатию и родам, смерти и возрождению. В силу того, что человек - это воплощенное, телесно-духовное существо, духовные традиции передавались через особого рода смыслонасыщенные целостности, несущие в себе психобиологические про-граммы сонастраивания с тем, что мы называем духовностью. Если язык психологии состоит из системы психологических понятий, организованных в ту или иную теорию, соотносящуюся со всей системой научного знания, то языком психотехники являются особого рода интегральные целостности, смыслонасыщенные гештальты.

В отличие от европейской психологии такой язык был создан в буддистской традиции, эффективный и систематически организованный. Так, ключевой термин буддистской психологии "дхарма" (более подробнее - в книге В.В. Козлова "Дао трансформации") означает целостную ситуацию переживания. В буддизме существуют поддающаяся передаче система из более чем 100 дхарм. В ней зафиксированы канонические состояния или модальности переживания. А значит, существует некий базисный алфавит, в котором могут быть составлены слова и предложения языка состояний сознания. В "Абхидхармакоше" буддистского мыслителя IV-V в.в. Васубандху последовательно излагается теория дхарм как атомарных частичек потока сознания, описываются дхармические эквиваленты эмпирических и мистических состояний сознания, охватывающие весь спектр переживаний. Этот язык ориентирован на человека, идущего по пути самосовершенствования, начиная от какой-то отправной точки, где он находится, до полного пробуждения. Очень сложно найти аналог буддистскому языку состояний сознания в европейской традиции науки и культуры. Буддистская традиция в большей степени ориентирована на гештальтное выражение, а европейская - на аналитическое.

Вернемся к особому рода целостностям, являющимися своеобразными атомами психотехники. Хорошо известно, что для эффективной помощи в психотерапевтической

ситуации, недостаточно затронуть ее какой-либо один даже наисущественный аспект. Только на элементарном уровне мы можем пользоваться аутотренингом или популярным ныне нейролингвистическим программированием. То же относится к подпороговому программированию, для которого выпущены тысячи аудиокассет на все случаи жизни - для похудения, отучения от курения, обучения языкам и т.д.

Для реального изменения и помощи необходимо преобразовать всю жизненную ситуацию, и в этом деле существенны не какие-то отдельные аспекты, а все, включая контекст. И хороший практический психолог знает это и работает не с изолированными проблемами, а со всей ситуацией. Даже незначительное изменение требует сильной воли. Каждый, кто ставил такую задачу, знает это на собственном опыте. Еще сложнее измениться фундаментально, обрести второе рождение. По сути дела, большую часть своих жизней мы живем по чужому сценарию. Хотим помыслить или начать что-то новое - и не можем, застряв в колее повторяющихся чувств и переживаний, из которой, как кажется, невозможно выбраться. В буддистской психологии для этой ситуации имеется классический пример с колесом сансары, которое описывает всю жизнь человека как взаимосвязанную цепочку причин и следствий - пратитьясаммутпады - от рождения до смерти и следующего рождения и т.д. Согласно буддизму, есть только один путь выхода из колеса сансары - путь к пробуждению, открытый Буддой. Доведется услышать те многомерные камертоны, звучащие во всем регистре духовного диапазона и откликнуться на их зов, помогающий сонастроиться с целостными состояниями - выход возможен. Нет - скорее всего сансара нас не отпустит, и мы обречены на обезьянничанье, на имитацию чужих, не нами прожитых жизней.

Примером такой имитации может служить ситуация с даосской телесно-духовной практикой Тайцзи-чжуань, которая подвергается на чужой культурной основе тонким искажением, утрачивая способность ко второму рождению. В традиционной же культуре Китая тайцзи-чжуань являлась прежде всего психотехникой второго рождения и создания условий возможности такого рождения. Ведь родиться по желанию невозможно. Для этого требуется наличие животворных сил и катализаторов, а также непостижимого сочетания счастливых условий, которые заранее не заданы и не предопределены. Эти неконтролируемые аспекты хранит и транслирует традиция. При механическом заимствовании "рациональных компонент" учения они неизбежно утрачиваются, поскольку язык традиционной психокультуры не поддается экспликации и отчуждению. Европейское же традиционное воспитание таково, что мы с детства не научаемся различать эмоциональные состояния, у нас отсутствует культура чувств, развитый диапазон дифференцированных переживаний. И если человек, не имеющий такого опыта, принимается за обучение тайцзи-чжуань, фактически ничего в его жизни не изменяется, ибо не задействуются аспекты жизненной ситуации. Мы продолжаем жить в эмоциональных тисках, в которые попали в начале жизни, и возможности дифференцировки чувств у нас оборваны. А не пройдя этой дифференцировки, невозможно обрести аналогичную тонко дифференцированную культуру и в других сферах, в том числе в сфере двигательной, в сфере сценического мастерства, в сфере общения, в сфере межличностных отношений.

Приведем еще пример психотехнического языка. В тибетском буддизме символическим

(и весьма практическим) выражением Цели, Пути и его Завершения (т.е. пробуждение) является мандала, которая в двумерном изображении обычно выглядит как сложная многоцветная симметричным образом организованная вокруг центра структура, заполненная символическими образами. В буквальном переводе с санскрита это слово означает круг, который как известно, является символом полноты, законченности, совершенства сознания. Сознание пробужденного, подобно когерентному лазерному всенаправленному лучу, видит в любой частичке мира - гигантской динамической голограмме - все взаимосвязанное существование. Структура такого сознания и есть структура мандалы. Вставший на путь способен различать многочисленные аспекты целостного существования, но без возбуждения всенаправленного "лазерного" видения, без восприятия полноты.

Одними из ключевых существ, населяющих мандалу, являются пять так называемых дхьяни-будд (один в центре и четыре по сторонам света), персонифицирующих пять мудростей (изначальных познаний). Для трех из них можно найти какие-то аналоги в западной культуре. Так, некоторые аспекты зеркалоподобной мудрости могут быть отчасти выражены понятиями рефлексии и отражения (хотя в них отсутствует главный аспект этой мудрости - полнота); аспекты мудрости равномерности - понятиями бесстрастия и трансцендирования всех различий; аспекты различающей мудрости - понятиями различения и автономности. Всеисполняющая мудрость не имеет однозначных философско-психологических соответствий, но ее отдельные аспекты имеют аналоги в христианском учении о непогрешимом деянии. Наконец, всепроникающая мудрость (или, иначе, мудрость дхармового пространства), также не имеет аналогов в философско-психологической сфере.

Таким образом, общая трудность выражения психотехнических тем напрямую связана с целостным, невербальным характером нашего опыта. Для этого научного описания необходимо разработать эффективный язык состояний сознания и переживания. В современной западной психологии существуют отдельные успешные продвижения в этом направлении. Лингвистику измененных, состояний сознания пытается создать ленинградский психолог Д.Л. Спивак. Международную известность получили работы С. Грофа, С. Криппнера, Ч. Тарта и К. Мартин-дейла по необычным состояниям сознания. Американский психолог Дж. Гибсон разработал принципиально новую экологическую теорию зрительного восприятия, в котором он полностью отказывается от языка описания восприятия классической психологии. Чрезвычайно инте-ресным является направление, получившее название психологии телесности, в котором сошлись вместе несколько значительных линий от биосинтеза В. Райха до экзистенциально-феноменологических работ М. Мерло-Понти.

Кентаврическая природа психотехнического языка указывает на необходимость иных обосновательных процедур научного знания, нежели в классической науке. В частности требуется освоить и осмыслить иные формы рефлексии - телесные, эмоциональные, целостные, раз-работать проблему "мыслящего тела". Психотехника невозможна вне телесной культуры. Другое дело, что тело здесь - не физико-биологический объект, а "воплощенная разумность", владеющая органами, не данными от природы, а созданными в процессе развития.

Психология и психотехника: возможен ли синтез?

Ответ на этот вопрос зависит от наших базисных установок. Если мы вернемся к выше рассмотренной типологии знания и попытаемся пофантазировать о том, какой будет будущая психология, то вполне вероятно, что эта психология сможет работать не только с рациональным, явным, отчуждаемым знанием, но также с рациональным, неявным, отчуждаемым и неотчуждаемым знанием. И развитие в этом направлении уже наблюдается в психологии телестности и экзистенциально-феноменологической психологии. Наиболее удачные проекты и идеи в этой области связаны с тем путем, который в каком-то смысле уже пройден на Востоке, а именно с разработкой языков состояния создания и введением понятий телесной, чувственной и эмоциональной рефлексии. И на этой основе, расширив базисный алфавит переживаний и состояний, построить психотехническую дисциплину. Такой проект обольщает тем, что в нем возможно получить систему психотехнических состояний и найти закономерности их связи, взаимоперехода, организовать эмпирические психотехнические знания по определенной системе. Ведь без получения форм фиксации этих знаний в традициях, пусть работающих с неклассическим материалом, невозможно удовлетворить столь важным критериям научности, как предсказуемость и воспроизводимость. Основная функция науки - объяснять и предсказывать, и если аналогичные вещи будут достигнуты в языке состояний сознания, то это будет наука во вполне традиционном понимании.

Однако, остаются еще множество иных типов практического знания, для научного знания которых в рамках классической науки пока не просматривается никаких перспектив. Возможно, в ходе дальнейших поисков, возникнут контуры иной, неклассической науки, каким-то пока неизвестным образом объединяющей в себе явные и неявные, практические и теоретические, воспроизводимые и невозпроизводимые знания, поиски точных и гуманитарных наук. Например, трансперсональная психология, которая первоначально заявляла о себе как дисциплине, имеющей дело с человеческим опытом во всем антропологическом масштабе, дисциплине, преодолевающей антропоцентризм, эгоцентризм, трансцендирующей культурные границы, исследующей мистический и религиозный опыт, при попытке стать теоретической, обратилась как раз к тем областям современной науки, где наблюдается выход на поверхность новых идей, идет поиск новой научной парадигмы. Ведь те проблемы, с которой столкнулась психология, проявляются и в квантовой механике, и в современной биологии, и в социологии и в других науках. И это отчасти увенчалось успехом. Об этом, например, говорит тот поразительный факт, что исторически более ранняя гуманистическая психология не имеет развитой теории, а трансперсональная психология имеет несколько теоретических подходов, которые являются весьма плодотворными.

Тем не менее, между психологическим и психотехническим видением человека существует глубокое различие. Психологическая парадигма в конечном итоге укоренена в механистическом видении (будь то бихевиористическая схема или компьютерная метафора). Она работает с аналитической картиной психики. Психотехническая же укоренена в органическом видении (биологическом, голографическом). Она работает с целостными, гештальтными состояниями. И в этом смысле задача науки, которая

пытается понять психотехнику, состоит в том, чтобы научиться воспринимать принципиально неаналитические, целостные образования. А эта проблема стоит не только в психологии.

Другое отличие в том, что психотехника связана прежде всего с духовными практиками, с человеком развивающимся, с созданием для человека новых зон свободы через психотехническое освоение мира. В этом процессе впервые создаются новые возможности действий и обстоятельства, новые свободные пространства, которые по сути являются инструментами дальнейшего развития. И каждую следующую зону свободы нужно вновь завоевывать творческими актами, а не манипулятивными или репродуцирующими действиями. Как всякий инструмент, психотехника таит в себе и благо, и зло, может использоваться не по назначению - для развития, а для манипулирования собой и другими. Поэтому столь существенна антитехнологическая установка, которая всегда содержится в этическом слое традиционных психотехник.

По прогнозам ряда культурологов XXI век будет не столько веком компьютеров и биотехнологии, сколько веком психотехники. И в это можно поверить, видя громадный интерес человечества к методам самосовершенствования. Очередное на этих страницах взаимоотношение психологии и психотехники, картезианский бумеранг, отсекающий на корню всякий проект нового гуманитарного знания, не отслеживающий своих связей с классической наукой, маятник психотехники, типология знаний и другие примеры неизбежно будут углубляться в ходе поисков понимания психотехнической культуры. Интенции этих поисков, как мне кажется, лучше всего выразить словами средневекового мистика Бернара Клервосского, который сказал: "Верую, Господи, тому, что говорит твой великий пророк. Но если можешь, сделай так, чтобы я знал".